

Пишущий Амуръ

Новый заводъ въ Москвѣ.

Январь общества **ГРАММОФОНЪ** съ огр. отв. 1916 г.

Съ Новымъ Годомъ.

НОВЫЯ ЦѢНЫ

АППАРАТОВЪ и ПЛАСТИНОКЪ

смотр. на 3-й стран.

обложки журнала.

Новый годъ.

О КУТАННЫЙ пороховымъ дымомъ величайшей въ міровой исторіи войны, ушелъ во мракъ вѣковъ старый годъ.

И мы снова стоимъ передъ тѣмъ условнымъ, воображаемымъ моментомъ, когда проводится невидимая грань между прошедшимъ и будущимъ, передъ моментомъ, когда невольно вспоминаются слова:

„Дню вчерашнему — забвенье,
Дню грядущему — привѣтъ!...“

Что сулитъ намъ, въ граммофонномъ дѣлѣ, это грядущее, наступившій, новый, 1916 годъ и куда устремляются всѣ наши взоры и наши помыслы?...

Этотъ вопросъ, какъ никогда, вполне естественно сейчасъ волнуетъ насъ и вполне понятно наше желаніе — предугадать „это будущее“ нашей промышленности, въ связи съ исполненіемъ нашихъ надеждъ.

Въ настоящей титанической борьбѣ напряженіе народовъ является вопросомъ быть или не быть и побѣдить, конечно, тотъ, кто окажется болѣе стойкимъ и болѣе воодушевленнымъ.

Аналогичное и въ нашемъ граммофонномъ дѣлѣ. Стойкость и воодушевленіе — залогъ нашего успѣха, позволяющій намъ смѣло и спокойно глядѣть на будущее.

Фундаментомъ же этого залога служатъ особыя свойства и качества нашей всемірно-извѣстной марки „Пишущій Амуръ“.

Въ эти героическія минуты бытія, мы должны лишь твердо помнить и руководиться словомъ: —

— Н а д о .

Не забывая съ какой стремительной быстротой со времени изобрѣтенія граммофона распространилась наша промышленность, намъ „надо“ не сидѣть, сложа руки, на лѣстницѣ нашего успѣха.

„Надо каждому, по мѣрѣ его силъ, создавать очаги культуры и просвѣщенія, насаждая въ народѣ искусство и вкладывая весь тотъ матеріалъ, изъ котораго строится сейчасъ общій домъ — „Великая Россія“.

За стѣною нашихъ сѣрыхъ героевъ мы спокойно вѣдь занимаемся своими обыденными дѣлами, насаждая въ Россіи просвѣтительныя общества, театры и проч., и прочее..., а съ ними бокъ-о-бокъ и нашу граммофонную индустрію, которая въ большой мѣрѣ можетъ также содѣйствовать поднятію народной культуры.

И вотъ теперь это великое, магическое слово — „надо“, какъ никогда, на протяженіи всей исторіи граммофоннаго дѣла, вселяетъ намъ увѣренность, что Россія, какъ и во всѣхъ отрасляхъ своей жизни, воодушевленная величайшимъ побудителемъ творчества, будетъ преуспѣвать на пути прогресса и граммофонной промышленности.

Мы вѣримъ, что прогрессъ означаетъ успѣхъ и въ этомъ случаѣ О-во Граммофонъ, сдѣлавъ блестящій вкладъ въ граммофонное дѣло, въ правѣ гордиться своей инициативой.

Въ зарѣ новой жизни граммофоннаго дѣла яркими лучами должна заблестѣть эмблема — „Пишущій Амуръ“.

Съ этимъ чувствомъ мы спокойно встрѣтили наступившій 1916 годъ.

Привѣтствуя инициативу и любовь къ дѣлу, цѣня энергію и работу и нашихъ гг. сотрудниковъ и читателей мы отъ души поздравляемъ ихъ:

— Сь Новымъ Годомъ!..

Привѣтъ нашему дѣтищу — граммофонной промышленности, какъ отрасли искусства, съ его безконечными горизонтами и облагораживающей художественностью, облекающей неприглядныя картины человѣческой жизни въ нѣчто стройное и прекрасное.

Привѣтъ ему и пламенное пожеланіе всѣмъ, посвятившимъ себя граммофонному дѣлу бодро, смѣло и съ любовью идти по пути своего призванія, внося въ міровой потокъ человѣческой мысли и свою скромную лепту, во славу граммофонной промышленности, по пути, вѣрно освѣщенному славою „Пишущаго Амура“.

— Сь Новымъ Годомъ, съ Новымъ счастьемъ, Новыми радостями и успѣхами!..

ИГОЛКИ „ПИШУЩІЙ АМУРЪ“.

ИГОЛКИ „Пишущій Амуръ“ будутъ выпущены нами взаѣмнѣ иголокъ „Кондоръ“ и въ техническомъ отношеніи иголки эти являются нынѣ самыми усовершенствованными.

Пользовавшіеся до настоящаго времени на граммофонномъ рынкѣ безусловно лучшей репутаціей, иголки „Кондоръ“, собственно говоря, являлись продуктомъ германскимъ, ибо выработка такихъ производилась на одной изъ фабрикъ въ Германіи.

Это послѣднее обстоятельство и заставило наше О-во Граммофонъ въ теченіе 1½ года самымъ усиленнымъ образомъ работать еще надъ болѣе усовершенствованнымъ типомъ этихъ иголокъ и лишь теперь только удалось ихъ выпустить, какъ чисто англійское производство, съ эмблемой

„ПИШУЩІЙ АМУРЪ“.

Производство этихъ иголокъ существенно отличается отъ обыкновенныхъ стальныхъ иголокъ и занимаетъ гораздо больше времени на подготовку матеріала, почему и фабрика наша пока не въ состояніи такъ скоро удовлетворить ими требованіе рынка.

Иголки „Пишущій Амуръ“ сдѣланы изъ красно-закаленной стали, отлично отшлифованы и считаются самыми высокими по качеству всѣхъ иголокъ, находящихся теперь въ продажѣ въ Англій.

Благодаря поразительной твердости матеріала, остріе иголки „Пишущій Амуръ“ не стачивается и при проигрываніи пластинки ровно помѣщается въ звуковой ея колеѣ, способствуя, такимъ образомъ, музыкальности исполненія и сохраненія самой пластинки.

Гг. Торговцы, желающіе получить образцы иголокъ „Пишущій Амуръ“ благоволятъ обратиться въ Главную Контору Общества.

ВЪ ПУТИ ЗА ИГОЛКАМИ.

(Изъ впечатлѣній поѣздки въ Архангельскъ).

УТРОМЪ поѣздъ тронулся изъ Вологды въ Архангельскъ.

Еле свѣтло, хотя чуть ли не полдень.

Полярное зимнее солнце торопится здѣсь совершить свой короткій путь: къ 10-ти часамъ утра выглянетъ, а къ 2-мъ уже ложится.

За этотъ короткий промежутокъ времени оно успѣваетъ всетаки творить изъ угрюмага пейзажа архангельской тундры, чудную зимнюю сказку.

Стоитъ лишь потянуться къ ней изъ вагона, какъ вдругъ замрешь въ дверяхъ при 25° морозѣ.

Замрешь отъ восхищенія, подобно заиндѣвшему и зазябшему поѣзду, который уноситъ тебя на дальній сѣверъ.

Стальная змѣйка рельсовъ все время вьется между дремучими лѣсами, а мириады, точно алмазовъ, горятъ и слѣпятъ бѣлый, подлѣдничный нарядъ окружающей природы. Стыдливо, замерли здѣсь, въ неземной тишинѣ и неподвижности, окутанныя бѣлой фатой, суровыя сосны.

Холодомъ пылаетъ и небо и земля.

Пассажиры биткомъ — набитого поѣзда, въ огромномъ большинствѣ — дѣловая публика.

Слѣва и справа, въ двухъ смежныхъ купѣ, идетъ разговоръ, то вполголоса, то громко.

Улавливаю рѣчь:

— За послѣдніе три мѣсяца я продалъ товара, тоестъ, однихъ только аппаратовъ, на 50 тысячъ рублей. Если бы можно было вывести товаръ изъ Архангельска еще на такую же сумму, то и это бы оказалось недостаточнымъ. Въ Россіи теперь спросъ на граммофонныя издѣлія нашей фирмы, какъ англійской, настолько великъ, что мы положительно не успѣваемъ удовлетворять требованія покупателей, а особенно, при столь трудномъ вопросѣ ихъ доставки.

— А развѣ въ Россіи нѣтъ Вашей фабрики?

— Нѣтъ, наша фабрика аппаратовъ и иголокъ находится въ Англій, въ Россіи же, теперь — въ Москвѣ. лишь фабрика пластинокъ. Пластинками мы еще кое-какъ успѣваемъ удовлетворить русскій рынокъ, но аппаратами и иголками никакъ. Вся трагедія въ полученіи ихъ — въ вопросѣ ихъ доставки изъ Архангельска.

Приходится два, три раза лично посѣщать Архангельскъ, чтобы какъ-нибудь ускорить доставку хоть нѣсколькихъ ящиковъ граммофонныхъ иголокъ, а объ аппаратахъ, конечно, и думать нечего.

Милліоны, какъ Вамъ извѣстно, пудовъ разнаго рода груза ожидаютъ погрузки и лежатъ на мѣстахъ безъ всякой пользы. Между тѣмъ нѣтъ власти сейчасъ гонить стихіи міровой исторіи къ новымъ формамъ жизни, къ новому быту и мы, казалось, должны были бы, идти теперь по предначертанному пути.

Кто знаетъ, быть можетъ граммофонъ, какъ таковой, въ переживаемое время играетъ выдающуюся роль въ нашей народной жизни, являясь однимъ изъ сильныхъ орудій культуры, дающихъ возможность заповѣданнаго трезаго народнаго досуга, а между тѣмъ онъ, какъ и многое другое считается предметомъ не только не первой необходимости, но прямо даже излишней роскошью. Конечно, это

вопросъ довольно спорный и требующій всесторонняго освѣщенія...

— Да, я съ Вами согласенъ, ибо нахожусь не въ лучшемъ положеніи, въ смыслѣ полученія и своего товара, хотя и считающагося предметомъ первой необходимости. Ничего нельзя, повѣрьте, сдѣлать прежде, чѣмъ внутри, здѣсь у насъ, не будетъ порядка.

Люди, вѣдь, остались людьми. Матеріальные интересы господствуютъ надъ нравственными. Хотя русская земля „велика и обильна“, но строительство у насъ отстаетъ отъ потребностей и получается какое то несоотвѣтствие между высокимъ давленіемъ среды и нашей малой активностью.

Возьмите хотя бы отправку товаровъ изъ Архангельска. Развѣ не получается отъ нея впечатлѣніе такое, какъ будто мы возвращаемся въ доисторическія времена чумаковъ, обозовъ, Ломоносова и прочее?..

Взгляните на эту безконечную вереницу запряженныхъ въ легкія сани, лошадокъ, снующихъ взадъ и впередъ на протяженіи болѣе 500 верстъ, отъ Вологды до Архангельска.

Развѣ это послѣднѣе не служитъ доказательствомъ развитія сильнаго жужекого перевода товаровъ, которые, не говоря уже объ огромномъ ихъ вздорожаніи, благодаря этому способу доставки, замедляются въ полученіи на цѣлые мѣсяца?

А между тѣмъ полотно желѣзной дороги фактически существуетъ и по немъ двигаются цѣлые поѣзда и люди.

Очевидно, разумно использовать то, что хотя уже и есть, намъ, многимъ не дано...

— Да, дѣйствительно, положеніе обыкновеннаго смертнаго отправителя грузовъ весьма плачевное. Чтобы заполнить нѣсколько пудовъ граммофонныхъ иголокъ приходится, помимо стоимости ихъ провоза, совершать еще и личныя поѣздки въ Архангельскъ.

Во что же спрашивается обходятся таковыя самой „ирмѣ“?..

И тутъ то невольно по пути задумываешься глядя на безконечный просторъ, окружающей природы и чувствуешь нѣчто непонятное въ этомъ сочетаніи жуткаго простора съ удивливой тѣснотой.

Вдѣшь — и безъ конца, засыпанная снѣгомъ, пустынная лѣса, болота и опять лѣса, озаренныя ослѣпительнымъ свѣтомъ солнца.

Спрашивается: зачѣмъ же здѣсь солнце, культура, желѣзныя дороги, зачѣмъ все это, — когда все — игрушка слѣплого рока, глумящаяся надъ людьми, какъ вѣтеръ надъ снѣжинками этой суровой природы?..

Просвѣтительный досугъ и ГРАММОФОНЪ.

Въ такое тяжелое время напряженія силы народа, когда нужно работать и работать безъ конца, казалось-бы страннымъ говорить о досугѣ и граммофонѣ.

Но нѣтъ, — какъ и всегда, и въ данное время забота о досугѣ равноцѣнна заботѣ о трудѣ, ибо еще знаменитый Дантонъ говорилъ, что народъ имѣетъ такое же право на просвѣщеніе, какъ и на хлѣбъ.

Собственно человѣкъ живетъ для досуга. Онъ трудится, чтобы жить, и живетъ для тѣхъ минутъ, когда онъ можетъ чувствовать жизнь, какъ жизнь.

„Просвѣщеніе“ и „знаніе“ въ большинствѣ случаевъ приобрѣтаются въ той части нашей жизни, которая представляетъ собою досугъ. Въ зависимости отъ проведенія досуга опредѣляется „трезвость“ страны.

Въ жизни русскаго народа вопросъ о заполненіи досуга получаетъ злободневное значеніе.

Организовать досугъ, разумныя развлечения и наполнить его веселымъ, бодрымъ — вотъ вопросы не сходящіе со столбцовъ нашей печати.

Теперь, когда надъ отражающими вражьи легіоны, можетъ быть, это даже вопросъ жизни и смерти.

Вдѣь бодрость, веселая бодрость, движетъ горы. Недаромъ американцы говорятъ, что всякое дѣло удастся лишь человѣку веселому. Бодрость движетъ культуру и теперь она, можетъ быть, — залогъ нашего успѣха.

Теперь, когда особенно нужно напречь всѣ силы, чтобы работать и работать безъ конца, — нужна вся бодрость, а ее даетъ разумный досугъ.

Вотъ почему мы такъ приветствуемъ прекрасный симптомъ русской жизни, при видѣ все возрастающей въ своемъ требованіи граммофонной промышленности, ибо заполненіе досуга граммофономъ въ послѣднее время все растетъ и растетъ.

Не вѣрный-ли это залогъ будущаго счастья Россіи и процвѣтанія нашей граммофонной промышленности?

О сохраненіи пластинокъ.

ПРИ проигрываніи пластинокъ необходимо сначала пустить въ ходъ аппаратъ и затѣмъ поставить мѣлбару иглою на вращающуюся пластинку. Многіе дѣлаютъ совершенно наоборотъ — ставятъ сначала иглу на пластинку и послѣ пускаютъ въ ходъ машину, вслѣдствіе чего при первыхъ оборотахъ диска, на медленномъ ходу, игла паранаетъ пластинку и дѣлаетъ ей начало шипящимъ и пластинка преждевременно приходитъ въ негодность.

Пластинки рекомендуется хранить въ мѣстѣ, защищенномъ отъ пыли, а если пыль попадетъ на пластинку, ихъ необходимо вытирать. Иногда употребляютъ для этой цѣли шетки изъ мягкаго волоса, но гораздо лучше сдѣлать изъ небольшого кусочка жѣснаго подушечку, набитую ватой въ родѣ тѣхъ, какія употребляютъ для чистки шляпъ. Такия подушечки мягко и тонко снимаютъ пыль, не причиняя пластинкѣ никакого вреда.

Пластинки могутъ выдерживать большой холодъ и сырость, но ихъ никогда не слѣдуетъ оставлять въ тепломъ мѣстѣ, у печи или на окнѣ, гдѣ могутъ попадать на пластинку теплыя солнечныя лучи. Отъ теплоты пластинки коробятся и становятся истонченными.

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ ВОЙНЫ.

ВЪ корреспонденціи „Три недѣли на передовыхъ позиціяхъ“, напечатанной въ „Бирж. Вѣд.“ сотрудникъ Арно весьма характерно описываетъ огромное удовольствіе, доставляемое граммофономъ нашимъ защитникамъ на полѣ брани.

„Часть за часомъ, говорить онъ, проходитъ, за раздачей подарковъ незамѣтно неожиданно подкрадывается вечеръ. Мы уже цѣлыя сутки въ окопахъ. Возвращаемся обратно въ свою „штабъ-квартиру“. По дорогѣ гдѣ-то, совсѣмъ близко, насъ неожиданно останавливаютъ звуки граммофона. Мы стоимъ какъ зачарованные, напряженно вглядываясь въ темноту, ловимъ огонекъ и всѣ направляемся на него...“

Вокругъ граммофона собралась небольшая, сплоченная и дружная семья артиллеристовъ 6-й батареи 12-й бригады. Командиръ батареи, профессоръ петроградской артиллерійской академіи кап. В. Г. Яковлевъ—самъ очень тонкій музыкантъ, и его граммофонъ съ великолѣпнымъ подборомъ пластинокъ пользуется вполне заслуженной популярностью во всей дивизіи.

Штабъ батареи всего въ двухъ верстахъ отъ передовой—наша артиллерія, пулеметная и артиллерійская стрельба ни на минуту не прекращаются. Одна пластинка смѣняетъ въ это время другую, и странно звучатъ голоса Карузо и Тамары въ маленькой, затерявшейся въ полѣ халупѣ, подъ аккомпаниментъ разрывающихся снарядовъ.

ЖАЖДА МУЗЫКИ.

(Изъ окопной жизни).

НЕЗАМѢНИМЫМЪ удовольствіемъ въ окопной жизни является граммофонъ. Вотъ что рассказываетъ Г. Петровъ въ статьѣ „Окопный день“:

Въ общемъ же, скучно дается по окопамъ. Изрѣдка кое-гдѣ запоютъ пѣсно, поиграютъ на гармоникѣ. Тогда и нѣмцы перестаютъ стрѣлять: слушаютъ. Кончатъ играть и пѣть наши, заведутъ граммофонъ или запоютъ нѣмцы. Но и музыка и пѣне болѣе отъ скуки, а никакъ не отъ веселья. Поэтому скоро обрываются, а чуть оборвались,—сейчасъ съ обѣихъ сторонъ:

— Па-а, па-а, па-а!.. Б-о-о-о-охъ, бо-хъ!.. Па-а-а-а, па-а, та-та-та-та!..

Весьма оригинальную картинку изъ окопной жизни рисуетъ онъ въ корреспонденціи своей „Въ лѣсу“:

На одномъ особенно опасномъ участкѣ, гдѣ боялись въ пасхальную ночь нападенія нѣмцевъ, на ночь въ окопы была поставлена отборная охотничья команда. Командиръ роты, увѣренный въ своихъ молодцахъ и въ младшемъ офицерѣ, пошелъ къ заутренѣ въ походную церковь. Когда кончились служба и розговѣны, онъ рѣшилъ идти къ своимъ въ окопы поздравить съ праздникомъ.

По случаю праздника, онъ ротѣ приготовилъ подарки: купилъ на свой счетъ двѣ гармоніи, балалайку и бубенъ.

Утромъ послѣ розговѣны, когда стало уже свѣтать, командиръ раздалъ подарки. Музыканты обрадовались и тутъ же принялись пробовать инструменты. Говорили:

— Эхъ, жаль, нашихъ нѣтъ. Сыграли бы мы, пѣять устроили. И нѣмцамъ дали бы знать, что у насъ праздникъ.

— Я иду къ нашимъ; вали и Вы, если хотите,—сказалъ офицеръ.

— Вотъ ловко! Музыкою ихъ поздравимъ.

Набрали полные карманы яицъ и пошли. Прошли лѣсомъ. Вышли на просѣку. Свернули къ прорытому ходу. Дошли уже до линіи нѣмецкихъ окоповъ. Тамъ лѣниво тавкали дежурный ружья: „пакъ, пакъ... пакъ... пакъ... пакъ, пакъ...“

— Ваше благородіе, дозволейте, мы въ гармонъ вдаримъ. Чего тамъ нѣмцы резонитъ? Мы ему пѣсно сыграемъ.

— Какую? — подхватилъ балалаечникъ.

— А „Малину“!

— Жарь!

Семьинъ первый въ полку застрѣвало, развелъ „талянку“ и сильными, мягкими теноромъ выстрѣлялъ надъ окопами:

Въ посылѣнникъ — день несчастный!

Нельзя въ полѣ работать.

Въ лѣсъ по ягода, малину

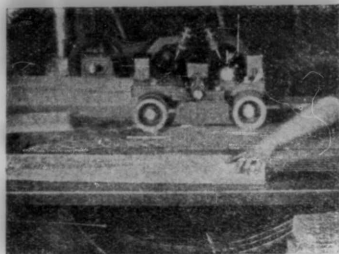
Пошла Машенька собирать.

— Эхъ, малина! Да эхъ, малина! Сладка ягода моя! — разомъ подхватили остальные въ три голоса, въ другую гармонію, бубенъ и балалайку.

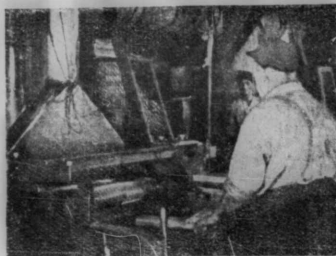
У нѣмцевъ стрѣльба какъ крышкой прихлопнуло: ни выстрѣла. Изумленно высунулось нѣсколько головъ. Сначала

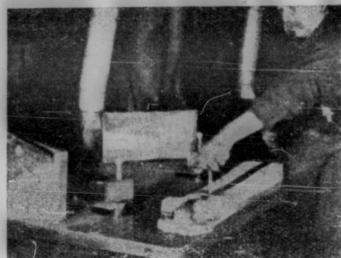
Изготовление корпусовъ на главной

Спеціальная деревообдѣлочная пила.

Строганіе.

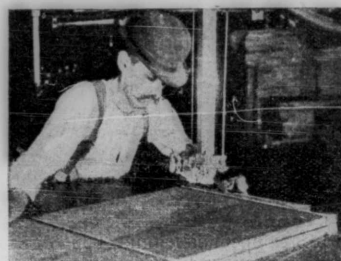
Изготовленіе ножекъ аппаратовъ.

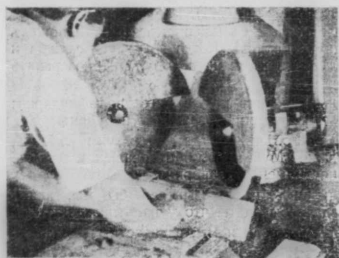
Изготовленіе осей

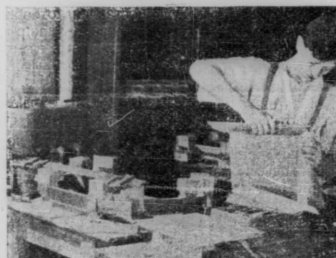
Изготовленіе осей.

Вырѣзка буквыхъ стѣнокъ аппарата.

Вырѣзка краевъ крышки корпуса.

Сборка крышекъ.

Сборка крышекъ.

Сборка малыхъ аппаратовъ.

Окончательная отдѣлка крышекъ.

Сборка корпусовъ аппарата № 101.

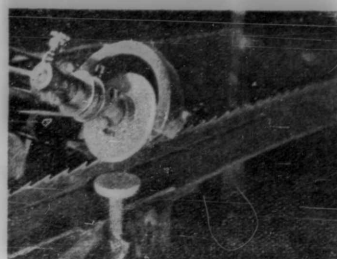
фабрикѣ „ПИШУЩАГО АМУРА“.

Изготовленіе ножекъ аппаратовъ.

Особая пила для вырѣзки составныхъ частей рупоровъ.

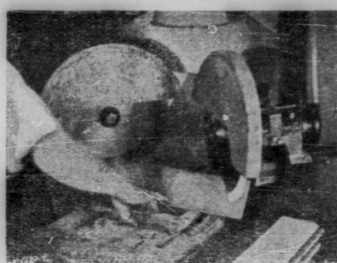
Токаръ тела.

Токарная художественная обточка.

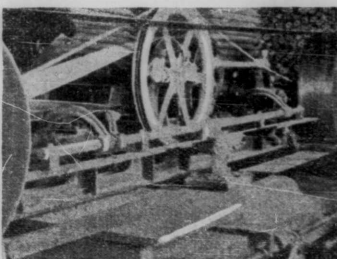
Отдѣленіе для ручныхъ работъ.

Вырѣзка краевъ крышки.

Шлифовка частей корпусовъ особымъ безконечнымъ ремнемъ.

Автоматич. машина для подиравки.

Ручная подиравка.

Окраска большихъ корпусовъ аппаратомъ.

Лакировка послѣ окраски.

Отправка въ сушильную камеру.

осторожно, потомъ смѣше. А Семкинъ, что дальше, то удалѣе звенѣлъ:

Поздно Маша возвратилась, —
Мало ягодъ собрала,
— Я съ медвѣдью повстрѣчалась, —
Она дома сказала.

— Эхъ, малина! Да эхъ, малина! Сладка ягода моя! — звенѣли, гремѣли, гикали всѣ четверо.

Нѣмцы высунулись всѣ. Кто по поясу, а кто, какъ и Микулитъ, во весь ростъ, навѣрхъ окопа. Безъ ружей. Лопали въ ладоши.

Высочились навѣрхъ и Семкинъ, тоже пошелъ въ плясъ, а самъ звенитъ:

Стала Маша ночью бредить
И медвѣдя Ванькой звать.
— Это съ глазу приключилось, —
Разсуждали съ отцомъ мать.

Въ нашихъ окопахъ, услыша свѣта музыку и пѣсню, такъ высунулись поглядѣть, что тамъ такое. Увидя же, что нѣмцы хлопочутъ нашими, вылезли и сами. И когда Семкинъ кончилъ послѣдній запѣвъ, навстрѣчу ему вся команда подхватила:

— Эхъ, малина! Да эхъ, малина! Сладка ягода моя! Эхъ, малина! Эхъ, малина! Сладка ягода моя-я!

Музыканты спрыгнули въ окопы, и тамъ Семкинъ сейчасъ же запѣлъ:

Изъ-подъ дуба, изъ-подъ вяза,
Изъ-подъ вяза корни.

Въ окопахъ все заходило колуномъ. Топали ноги. Одни плясали, другіе ухали. Свистѣли. Плясали въ разныхъ мѣстахъ: по-двое, по-четверо. Спотыкались въ тѣнотѣ, падали. Другіе, смѣясь, валились на нихъ. Барахтались.

Живая реклама въ Парижѣ.

(Изъ парижскихъ очерковъ).

Здѣсь рекламой сдѣлали самого человѣка, его жизнь.

Раньше раздавали забѣвные анонсы и объявленія, изображавшіе вырѣзанныхъ изъ бумаги или картона эlegantнаго мужчину, одѣтаго съ иголочки, женщину, натыгающую корсетъ, негра, смѣющегося рядомъ бѣлыхъ зубовъ, мальчика, обливающего пальчики, дѣмондеуку, зазывающую въ такой-то театръ...

Теперь сталъ рекламой живой эlegantный мужчина. Въ толпѣ рекламы появился живой смѣющийся негръ. Реклама стала разговаривать, ходить, смѣяться, веселиться не только по образу, но въ образѣ человѣческомъ, во плоти живого человѣка.

Вотъ изысканная, молодая красивая дама. Она одѣта съ послѣднимъ шикомъ, но скромно, не вызывающе. Она медленно двигается по бульвару съ серьезно сосредоточеннымъ лицомъ и неестественно упорно устремленнымъ куда-то вдалѣ взглядомъ. Она никого не видитъ, никого не замѣчаетъ, но обращать на себя вниманіе всѣхъ, потому что въ полной дисгармоніи со своимъ скромнымъ видомъ и серьезнымъ лицомъ, она размахиваетъ тросточкой и вызываетъ куритъ. На нее оглядываются, она ниргуется. Постепенно за ней образуется "хвостъ". Она невозмутимо продолжаетъ свой путь, а за ней уже плетется толпа. Кто она? Откуда она? Она подходитъ къ модному магазину, останавливается передъ окнами, разсматриваетъ выставленные костюмы. Останавливается и смотритъ вмѣстѣ съ ней и толпа. Она собирается зайти въ магазинъ, но неожиданно останавливается у дверей и, повернувшись къ толпѣ, съ самой граціозной улыбкой, приглашаетъ всѣхъ зайти и купить "лучшаго качества" и "по самой дешевой цѣнѣ".

Медленно, важно, точно съ сознаниемъ какого-то необыкновеннаго величія, шагаетъ по бульвару господинъ. Передъ нимъ невольно разступаются. Строгое лицо его внушаетъ недоумѣніе, вызываетъ любопытство. Но невольная улыбка появляется у всѣхъ, какъ только съ нимъ поравняются. Охотѣ, какъ модная картинка, съ цилиндромъ, въ лакированныхъ ботинкахъ, онъ съ этимъ серьезнымъ важнымъ видомъ несетъ въ рукахъ громадный глиняный горшокъ, на которомъ бросается въ глаза надпись, сообщающая, что въ такомъ-то ресторанѣ можно отлично пообѣдать за денежную цѣну.

Вотъ живая реклама другого ресторана: традиціонно одѣтый поваръ, съ бѣлой фуражкой и въ бѣлой тулупѣ, несетъ на головѣ блюдо, на которомъ лежитъ аппетитно поджаренный большой гусь. Гусь, конечно, не настоящій, но такъ искусно сдѣланный, что можетъ показаться, будто его только-что изъ печи вынули. На блюдетъ написанъ адресъ ресторана. И "поваръ" съ блюдомъ на головѣ мѣриво, чинно цѣлыми днями расхаживаетъ по улицамъ и бульварамъ.

На бульварахъ стала уже обычной слѣдующая картинка:

На углу одной изъ пересѣкающихся бульваровъ улицъ, стоитъ сосредоточенно-неподвижно господинъ необыкновенно высокаго роста, въ прекрасно сшитомъ ридинготѣ, въ перчаткахъ, въ цилиндрѣ, съ палкой въ рукѣ. Лицо его также невозмутимо, неподвижно, какъ онъ самъ. Ни одинъ мускулъ не дрогнетъ на немъ. Онъ стоитъ и сосредоточенно, напряженно смотритъ въ одну точку.

Парижане, посетители бульваровъ, уже знаютъ его и не обращаютъ на него никакого вниманія. Но на бульварахъ всегда столько провинціаловъ и иностранцевъ, что около него всегда собирается толпа.

Точно подъ гипнозомъ, на него смотрятъ такъ же сосредоточенно и серьезно, какъ онъ самъ смотритъ. Стараются угадать, понять, куда направлено его взглядъ, на что онъ такъ внимательно глядитъ. Ждутъ, что онъ сдѣлаетъ.

Онъ медленно и все съ тѣмъ же невозмутимо-спокойнымъ и серьезнымъ выраженіемъ лица поднимаетъ руку и указательно вытягиваетъ свою палку. Такъ стоитъ онъ минуту, двѣ, пять. Толпа около него все увеличивается. Наконецъ, не опуская руки съ палкой, сохраняя все тоже неподвижное выраженіе лица, онъ сдѣлаетъ шагъ, другой... Толпа идетъ за нимъ. И онъ приводитъ ее къ находящемуся на этой улицѣ кинематографу, распахиваетъ передъ ней дверь "театра безъ словъ", и тутъ же на обычномъ рекламномъ языкѣ начинаетъ расписывать достоинства заведенія, приглашая публику "пожаловать". Отъ прѣжняго дѣятельнаго остается только черныи сюртукъ и безукоризненно чистое бѣлье.

Вотъ еще сценка.

Къ роскошному кафѣ подкатываетъ автомобиль, изъ котораго выходитъ эlegantный негръ съ ослѣпительно бѣлыми зубами и въ блестящемъ цилиндрѣ. Открыты двери его автомобиля бросился другой негръ, такой же черныи, но оборванный, грязный... одинъ изъ тѣхъ жалкихъ несчастныхъ негровъ, которыхъ встрѣчаешь въ портахъ, у входа ночныхъ ресторановъ и увеселительныхъ заведеній.

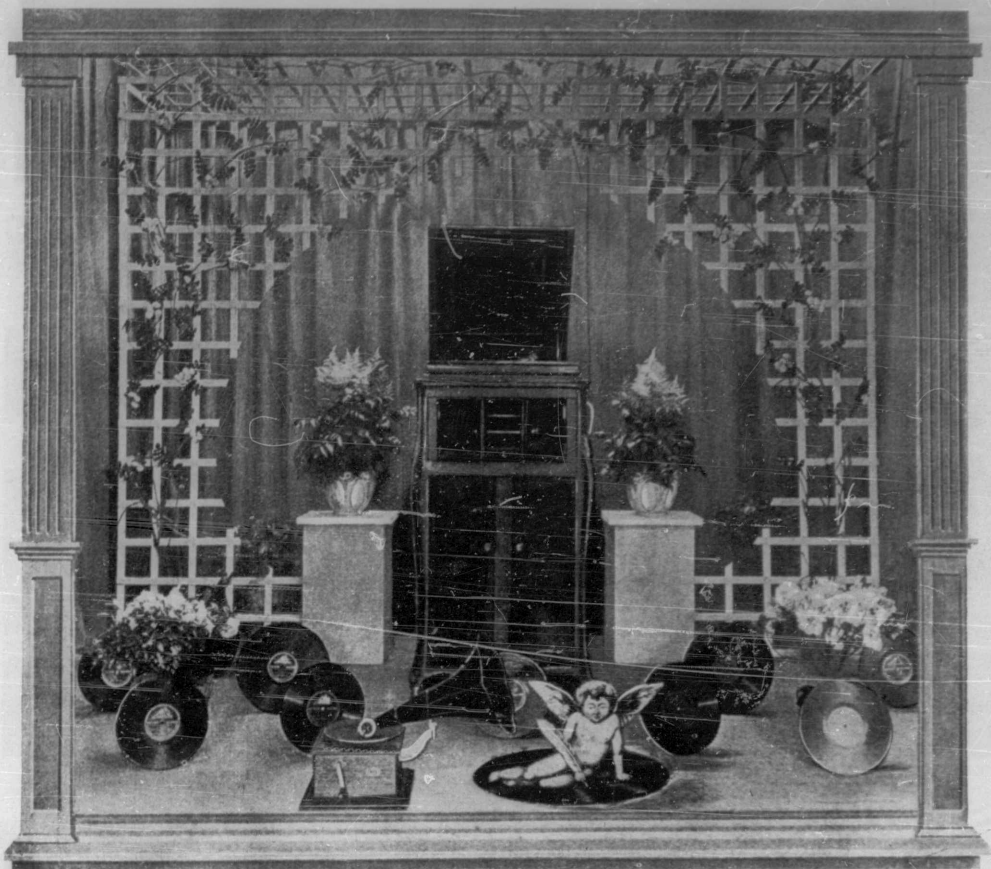
Блестящій негръ небрежно вынимаетъ монету и хочетъ подать ее своему коллегѣ по цвѣту, но вмѣсто этого, онъ вдругъ бросается ему на шею, радостный, счастливый. Сценка эта обращаетъ, конечно на себя вниманіе прохожихъ. Блестящій негръ приглашаетъ бѣднаго сѣсть на террасу кафѣ. Они берутъ кофе, оживленно разговариваютъ, какъ-будто не замѣчая того любопытства окружающихъ, которое они вызываютъ.

Блестящій негръ распахивается, беретъ подъ руку бѣднаго и, повидавшему, противъ воли того, тащитъ куда-то. Куда? Тотъ упирается; оба они оживленно жестикулируютъ, а публика все болѣе и болѣе интересуется ими. Толпа идетъ за ними. Они подходятъ къ магазину готового платья и входятъ туда... Не проходитъ и нѣсколько минутъ, какъ оба выходятъ: но уже оба одѣлако эlegantнее, изысканнее. И бывшій бѣдный негръ улыбається всѣмъ своимъ чернымъ лицомъ, радостный, счастливый. А богатый объясняетъ изумленной публикѣ, что въ этомъ-де магазинѣ въ нѣсколько линнотъ совершенно преобразуютъ человѣка.

Какъ далеко ушла живая реклама отъ первоначальнаго "человѣка-сандвича", горбившагося подъ тяжестью плаката, ободраннаго, жалкаго, угрюмаго.

Систему "человѣка-сандвича", впрочемъ, тоже еще не оставили. Но теперь "сандвичъ" сталъ тоже дѣятельнымъ. Онъ расхаживаетъ съ плакатомъ, но въ черномъ сюртукѣ, съ моноклемъ, въ цилиндрѣ, съ розой въ петлицѣ.

Всего характернѣе у всѣхъ этихъ "живыхъ рекламъ" удивительная выдержка, постоянно выраженный ихъ лицъ. У нихъ купили ихъ улыбки, неподвижность ихъ чертъ, окаменѣлость вида. Въ теченіе всего дня, они должны быть съ такимъ-то выраженіемъ лица; ихъ лишаютъ мѣста, если они не настойчиво выдерживаютъ его. А сколько они зарабатываютъ? Гроши...

Одна изъ оконныхъ выставокъ.

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ Американскихъ рекламъ.

До чего американцы хитры на выдумки въ области рекламы, доказываетъ слѣдующій новѣйшій образчикъ американской рекламы.

Акционерная компанія, открывшая въ Чикаго новый большой ресторанъ и желая сразу привлечь въ новое учреждение много публики, помѣстила во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ объявленіе, въ которомъ, подъ предлогомъ ознакомленія гурмановъ съ высшими достоинствами кухни новаго ресторана, предлагала бесплатно, въ теченіе двухъ недѣль, всѣмъ приличнаго вида, прилично одѣтымъ джентльменамъ завтракъ, обѣдъ и ужинъ съ виномъ или портеромъ.

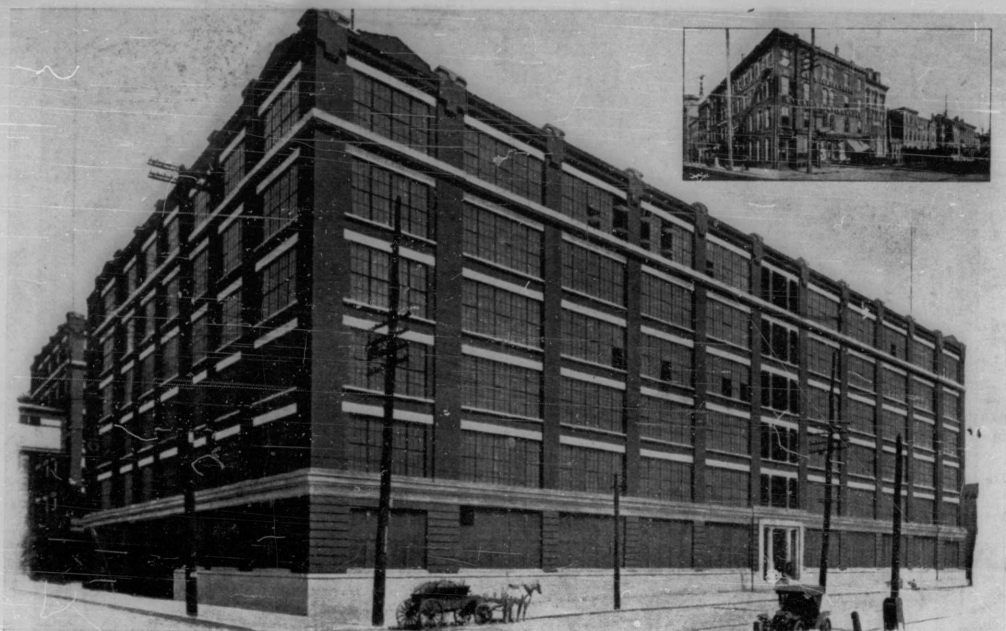
Разсчитъ компанія на большой наплывъ публики оказался вѣрнымъ: въ ресторанъ съ первыхъ-же дней послѣ объявленія нельзя было мѣста найти. Но посѣтителями явились вовсе не жаждущіе бесплатно позавтракать или поужинать, а масса любопытныхъ, желавшихъ посмотреть тѣхъ, кто будетъ бесплатно пользоваться рестораною ѣдою.

Въ итогѣ ресторанъ съ первыхъ-же дней сдѣлался очень популярнымъ, сталъ привлекать массу публики и дѣлалъ блестящіе обороты. Въ виду такого успѣха, срокъ бесплатно обѣдающихъ и ужинающихъ былъ увеличенъ еще на двѣ недѣли.

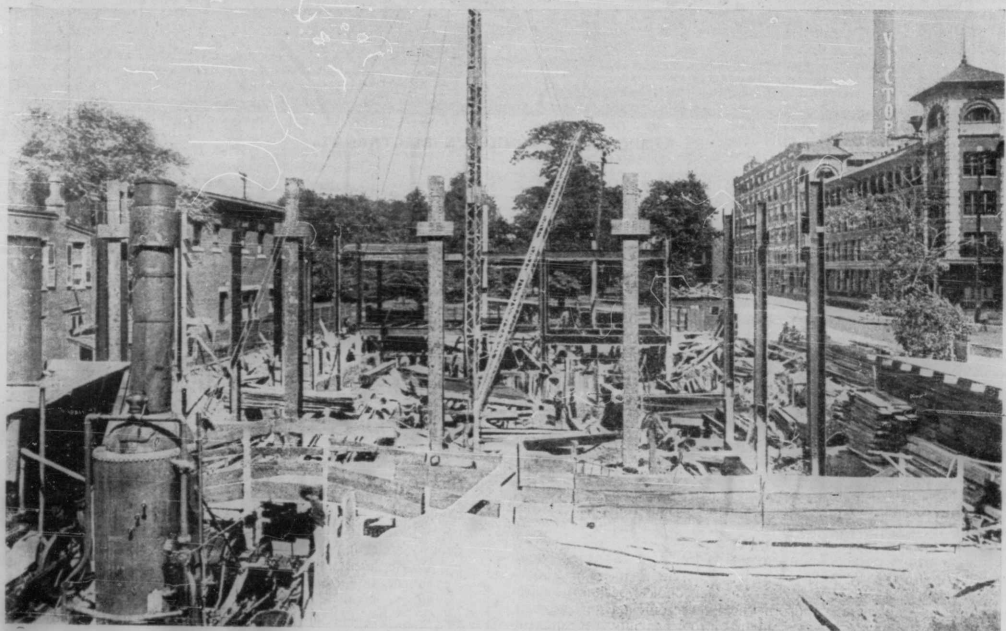
Характерно для американцевъ, что желающихъ бесплатно прокормиться въ ресторанъ прилично одѣтыхъ джентльменовъ не нашлось ни одного.

ВАЖНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ПОЧИНЪ.

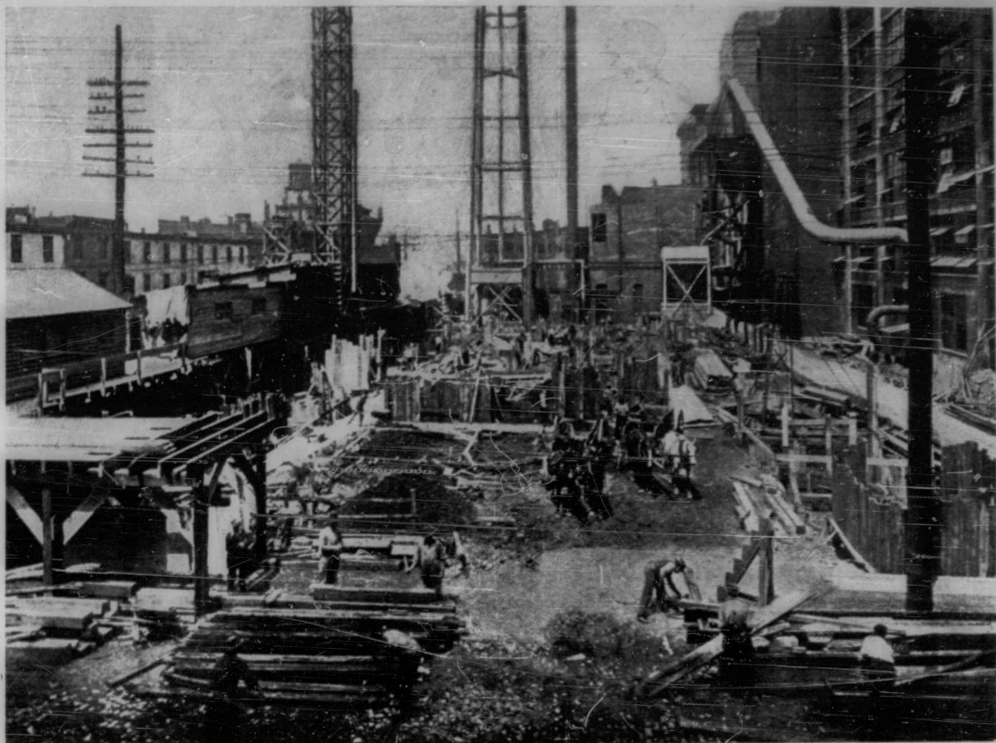
КАКЪ передаютъ „Русск. Вѣдом.“, Московская Городская Дума дѣлаетъ громадной важности культурный починъ. Съ 1-го Сентября текущаго года въ Москвѣ открыто 12 районныхъ народныхъ домовъ въ различныхъ мѣстностяхъ города. Въ будущемъ число народныхъ домовъ рѣшено довести до 24-хъ. Это крупное начинаніе въ культурно-просвѣтительномъ дѣлѣ можетъ вызвать только всеобщее сочувствіе. Какъ необходима такая работа въ государственныхъ и общественныхъ цѣляхъ, а въ настоящій моментъ въ особенности для укрѣпленія началъ трезвости, нѣтъ надобности доказывать. Культурное строительство представляетъ очередную задачу переживаемаго времени, требующаго подъема общественныхъ и культурныхъ силъ страны. Это нужно и для нашего торжества надъ врагомъ. Заблуждаютъ тѣ, кто думаютъ, что для нашего успѣха нужны только военно-техническая усовершенствованія. Странѣ нуженъ просвѣщенный народъ, понимающій: нужны страны, сознательно относящіяся къ своему долгу передъ родиной. Странѣ нужно сильно вооружиться пріобрѣтеніями науки и прогресса, нуженъ подъемъ на высшій духовный и матеріальный уровень жизни. Этимъ могучимъ орудіемъ, возвышающимъ и укрѣпляющимъ народныя силы, является образованіе, просвѣщеніе. Оно нужно для блага родины, для ея силы и крѣпости.

Новое зданіе для отправки товара на главной фабриктъ „Пишущаго Амура“
(вверху — прежній видъ отдѣленія).

Стальные рамы строящагося новаго зданія Конторы главной фабрики „Пишущаго Амура“.

Начало постройки новаго огромнаго здания главной фабрики „Пишущаго Амура“ для изготовленія корпусовъ.

УБИЙСТВО ИЗЪ-ЗА... ГРАММОФОНА.

Нѣкій Кеворковъ прїѣхалъ прошлой зимой изъ Нахичевани и Д. въ Харьковъ лечиться и поселился на Вознесенской набережной, гдѣ снялъ комнату въ квартирѣ нѣкой Врублевской. Здѣсь же квартировалъ портной Коржневъ, съ которымъ Кеворковъ вскорѣ подружился. Постомъ друзья рѣшили обзавестись къ Пасхѣ граммофономъ и купили его въ разсрочку, при чемъ деньги за граммофонъ платилъ Коржневъ, а Кеворковъ поручился за него и съ своей стороны обещалъ къ Пасхѣ прикупить къ приобретеннымъ 5 пластинкамъ еще десятокъ.

Это то злополучный граммофонъ и послужилъ въ дальнѣйшемъ причиной безконечныхъ ссоръ между друзьями и дикой вражды, приведшей въслѣдствіи къ роковой развязкѣ.

Друзья стали прежде всего ссориться изъ-за того, кому какую пѣсню „завести“, затѣмъ, когда одному хотѣлось слушать пѣсни, настроеніе другого требовало куплетовъ. Но главное, что окончательно поссорило друзей, это отказъ Кеворкова отъ покупки обещанныхъ новыхъ пластинокъ. Коржневъ тогда прямо заявилъ Кеворкову:

— Уйдешь ты домой безъ головы.

Нѣсколько дней спустя друзья подрался, при чемъ попало Кеворкову, такъ какъ онъ былъ слабѣе, да къ тому же еще и боленъ (онъ лечилъ въ Харьковѣ ногу).

Вскорѣ послѣ этого друзья разѣхались по разнымъ квартирамъ. Вражда, однако, между ними не прекратилась.

24 апрѣля 1915 года Коржневъ явился къ своей бывшей квартирной хозяйкѣ съ новымъ своимъ другомъ поваромъ Вакулинымъ за вещами. Здѣсь Коржневъ разспрашивалъ Вакулина и

другихъ съ томъ, когда возвращается домой Кеворковъ и какой дорогой. Затѣмъ друзья ушли и, по словамъ свидѣтеля-повара Вакулина, Коржневъ отправился черезъ мостъ по своимъ дѣламъ, а онъ, будто-бы, нанялъ ваньку и поѣхалъ съ вещами на квартиру.

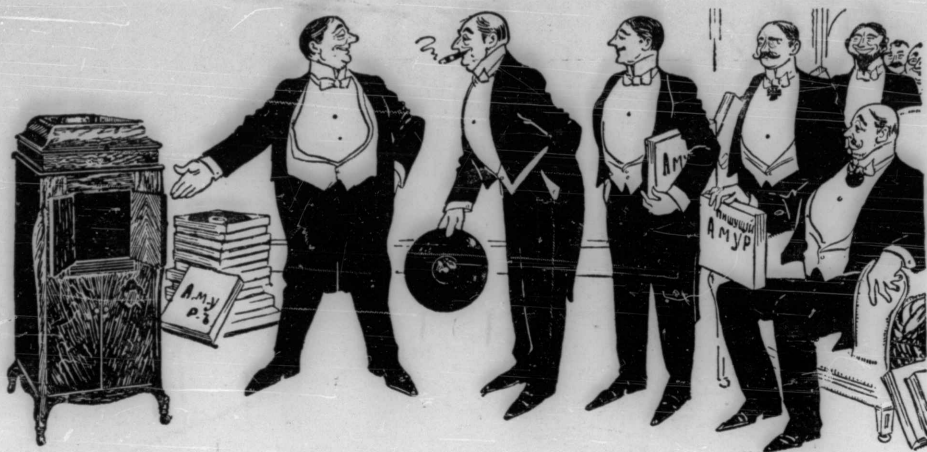
Нѣсколько времени спустя въ квартирахъ Врублевской и сосѣдки ея Насѣдкиной услышали изъ-за рѣки крики о помощи. Когда Насѣдкина и Врублевская выбѣжали изъ квартиры, черезъ мостъ на крики бѣжалъ народъ. На мѣстѣ происшествія глазамъ собравшейся публики представилась слѣдующая картина: на землѣ, въ лужѣ крови лежалъ Коржневъ, который тотчасъ же простонавъ — „спасите, умираю“ — скончался. Недалеко отъ него стоялъ Кеворковъ выпачканный въ крови. Въ рукахъ онъ держалъ желѣзную рессорную шину. Кеворковъ просилъ позвать городского. На мѣстѣ происшествія, на полицейскомъ дознаніи, у слѣдователя и на судѣ Кеворковъ объяснялъ, что на него въ тотъ вечеръ напали двое Коржневъ и поваръ Вакулинъ. У Коржева была рессорная шина. Защищаясь, Кеворковъ выхватилъ перочинный ножъ (этимъ ножомъ онъ, по словамъ его, и свидѣтелей мазалъ мазъ на большую ногу) и нанесъ Коржеву нѣсколько ударовъ. Сколько, подсудимый не помнитъ. Далѣе онъ бросилъ ножъ въ рѣку и выхватилъ у Коржева желѣзную шину. Вторымъ нападавшимъ убѣжалъ, когда увидѣлъ, что Коржневъ раненъ и упалъ.

Свидѣтельница квартирохозяйки аттестовали Кеворкова съ самой лучшей стороны, какъ тихаго, скромнаго молодого человѣка и напротивъ о покойномъ отзывались отрицательно. Друзья покойнаго, наоборотъ, говорили много хорошаго о Коржневѣ и еще больше дурнаго о Кеворковѣ.

Присяжные засѣдали на вопросъ о виновности Кеворкова въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи отвѣтили:

— Нѣтъ, не виновенъ.

(„Южн. Кр.“)

Въ этомъ году Его Превосходительство изволили купить граммофонъ „АМУРЪ“...
Друзья и подчиненные поздравляютъ его съ Новымъ Годомъ и преподносятъ пластинки „Пишущаго Амуре“....

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ГУСЬ.

(Сценка).

ПОМОЩНИКЪ столоначальника департамента недодѣланныхъ дѣлъ Фунтиковъ угощаетъ своего вице-директора Перепискина.

Перепискинъ большой любитель выпить, поѣсть и вообще весело провести время. Отъ удачнаго обѣда подчиненнаго Фунтикова зависитъ многое: повышение по службѣ, чины, ордена, наградныя и многое, многое другое...

Начало обѣда вдругъ вышло для Фунтикова очень неудачно... Какъ скѣгъ на голову свалился племянникъ его, молодой балбесъ, бывшій футболистъ и затѣмъ рѣшившій перейти въ футуристы. Увидѣвъ генерала Перепискина онъ ткнулъ его, въ видѣ привѣтствія головой въ животъ, послѣ чего щелкнулъ себя по носу.

— Халбилъ бы-бы, м-му, — привѣтливо обратился онъ къ генералу.

— Эт-то, что же любезнѣйшій, — блѣднѣя, спросилъ Перепискинъ у Фунтикова.

— Это, ваше превосходительство, племянничекъ-съ. Извините, немножко того-съ, переворотъ мозговъ-съ.

Генераль Перепискинъ нахмурился и предусмотрительно загородилъ себя стуломъ. Стали закусывать. Селедочка оказалась такая соленая, что Перепискинъ, положивъ кусокъ въ ротъ, выпучилъ глаза и чуть не задохся.

— Вотъ теперь то видъ у Васъ хорошій, — обрадовался футуристъ. Вы похожи на самоѣда — идола...

— Болванъ, — прошамкалъ генераль, съ трудомъ проглатывая селедку.

— Не угодно ли балычка, — суетился Фунтиковъ.

Перепискинъ зло покосился на балыкъ и отказался. Когда же ко всему этому въ супъ оказался длинный бѣлокуры волосъ, по всѣмъ признакамъ принадлежащій кухаркѣ Аксинѣ, положеніе приняло совсѣмъ скверный оборотъ. Фунтиковъ пробовавъ острить, говорить о томъ и другомъ но Перепискинъ хранилъ грозное молчаніе, поглядывая временами на сумасшедшаго племянника.

Не одобровать бы бѣдному столоначальнику Фунтикову, если бы его лысую голову вдругъ не осѣнила гениальная мысль:

— Ваше превосходительство, не прикажете-ль завести имѣющійся у меня удивительный-съ инструментикъ. Вышли новыя пластиночки, танецъ „Танго“?.

Тутъ же немедля заведенъ былъ Фунтиковымъ граммофонъ „Амуръ“. Оживленные веселые и мелодичные звуки огласили комнату.

За вальсомъ послѣдовало „Танго“ и когда дѣло дошло до юмористическихъ разсказовъ и другихъ, передаваемыхъ съ изумительной ясностью, то генераль Перепискинъ хохоталъ до упаду...

— Ну, братъ, Фунтиковъ, спасибо, и удружилъ же, — задыхаясь отъ смѣха, хлопалъ онъ Фунтикова по плечу.

Генераль засидѣлся за полночь, слушая изумительныя записи пластинокъ „Пишущій Амуръ“ и судьба Фунтикова была рѣшена въ желательномъ для него смѣслѣ.

На Рождество Христово ему былъ обезпеченъ хорошій гусь!..

Н о в ы е ц ѣ н ы .

Ввиду громаднаго вздорожанія всѣхъ матеріаловъ, увеличенія расходовъ по пересылкѣ, а также и сильно увеличенной платы рабочимъ, мы вынуждены повысить цѣны:

на наши аппараты съ 19-го Января слѣдующимъ образомъ:

АППАРАТЫ РУПОРНЫЕ.

Амуръ № 1 . . .	Руб. 65 . —	Амуръ № 5 . . .	Руб. 135 . —
" № 2 . . .	" 80 . —	" № 6 . . .	" 175 . —
" № 3* . . .	" 100 . —	" № 7* . . .	" 175 . —
" № 4* . . .	" 135 . —	" № 8 . . .	" 90 . —

АППАРАТЫ БЕЗРУПОРНЫЕ.

Амуръ № 1А . . .	Руб. 65 . —	Амуръ № 1г* . . .	Руб. 220 . —
" № 2А . . .	" 80 . —	" № 2г* . . .	" 260 . —
" № 3А . . .	" 100 . —	" № 5г* . . .	" 525 . —
" № 5А . . .	" 200 . —	" № 6г* . . .	" 525 . —
" № 6А . . .	" 200 . —	" № 7г* . . .	" 425 . —
" № 7А . . .	" 175 . —	" № 8г* . . .	" 425 . —
" № 8А . . .	" 250 . —	" № 10г* . . .	" 600 . —
" № 9А* . . .	" 250 . —	" № 11г* . . .	" 350 . —
" № 10А . . .	" 175 . —	" № 12г . . .	" 350 . —
" № 11А . . .	" 150 . —	" № 13г* . . .	" 300 . —
" № 12А . . .	" 125 . —	" № 14г . . .	" 300 . —

Отмѣченные знакомъ * аппараты имѣются въ настоящее время на складѣ

НА ПЛАСТИНКИ съ 25-го Января.

Розничныя цѣны:

Грамм. синий эт. дв.	10"	Руб. 1 . 50
" зеленый " "	10"	" 2 . —
" " " "	12"	" 2 . 50
" черный " "	10"	" 2 . 50
" " " "	12"	" 3 . 50
Зонофонъ дв.	10"	" 1 . 75
" " "	12"	" 2 . 50

Закавказскіе и Закаспійскіе репертуары:

Грамм. черный этик.	10"	Руб. 2 . —
" коричнев. этик.	10"	" 1 . 50

Цѣны на остальные спеціальныя пластинки остаются прежнія.

Новый плакатъ, разосланный гг. Торговцамъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ. Неполучившіе
такового благоволятъ обращаться въ Главную Контору Общества.